

А. Э. Мурзин

**Региональная идентичность:
сущность, характер,
опыт изучения**

Андрей Эдуардович Мурзин
Региональная идентичность:
сущность, характер,
опыт изучения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11826761

Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения.

Сборник статей: Директ-Медиа; М.-Берлин; 2015

ISBN 978-5-4475-3613-8

Аннотация

В представленном сборнике собраны статьи автора, посвященные актуальным проблемам современных культурологических исследований. В статьях раскрываются различные аспекты феномена региональной идентичности. Прослеживается связь между процессами становления региональной культуры, регионального самосознания и формированием региональной идентичности. Особенности и механизмы данного явления детально рассмотрены на примере различных этапов истории Уральского региона. Автор обращает внимание на то, что в ситуации полиэтнического взаимодействия региональная идентичность выполняет интегрирующую роль по отношению к территориальному сообществу. Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям культурологии.

Содержание

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (к постановке проблемы) 1	4
ТИП УРАЛЬЦА: РОЖДЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ И СОЗДАННЫЙ СОВЕТСКИМ МИФОМ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Мурзин

Региональная

**идентичность: сущность,
характер, опыт изучения**

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ

ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ

СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(к постановке проблемы) ¹

«Региональность» России – постоянно действующий фактор ее развития. Он выражает себя прежде всего в многообразии составляющих ее территорий. Это породило своеобразный феномен «двойной идентичности» в части регионов, особенно на востоке страны (Урал, Сибирь, Дальний Восток). Человек, ощущая себя гражданином страны (россиянин), осознает свою связь с локальной целостностью, которая для него репрезентирует большое целое. Возможно и обратное, он ощущает свою принадлежность локальному как

¹ Статья написана в соавторстве с И.Я. Мурзиной

составному элементу единого целого. В обоих случаях, эта связь видится как неразрывная и взаимообусловленная, дающая представление о «*двойной идентичности*».

Можно говорить о двух уровнях: идентичности первого порядка – региональной, и идентичности второго порядка (принадлежности большей общности) – общероссийской. В ряде регионов с этнически относительно однородным населением идентичность региональная может совпадать с этнической (двухступенчатая система); в тех регионах, где население этнически разнородно, региональная идентичность занимает более «высокий этаж», чем этническая (трехступенчатая система). В любом случае идентичность, соединяющая региональный и общероссийский уровни, в сознании современного человека присутствует.

В конце 90-х гг. XX в. в ситуации кризиса общенациональной идентичности в постперестроечной России был отмечен мощный подъем регионального самосознания. Однако «региональность» современного российского сознания (в отличие от того, что имело место в XIX–XX в.) в условиях значительной унификации социальных и культурных стандартов, особой роли средств массовой коммуникации опирается скорее на такие моменты, как чувство общности исторической судьбы, традиций, переживания специфики положения своего региона внутри страны. Регионы сегодня воплощают себя не только как географические или социально-экономические образования, но и в значительной степе-

ни как исторически сложившиеся культурные целостности, реализующиеся в устойчивых социокультурных, духовных и политических связях, прочно укоренившихся в сознании.

Но в этом превращении региональной идентичности в часть локальной культурной традиции кроется определенная проблема: на конкретные формы проявления этой идентичности могут оказывать влияние привходящие факторы, в том числе и связанные с политической конъюнктурой. Так, в предшествующее десятилетие опорой региональной идентичности стали во многом квазиисторические представления о дореволюционном прошлом России и ее регионов как о «золотом веке».

Это породило массовое региональное мифотворчество. Проблема заключалась в том, что стремление каждого отдельно взятого региона добиться утверждения своей значимости в культурном пространстве современной России (включая пересмотр его отношений со столицей, положения среди прочих регионов) проблематизировало всю систему внутрисоссийских отношений. Место и роль в ней каждого из регионов превращалось в вопрос борьбы за влияние. Выражением этого стал т.н. «парад суверенитетов», опасное усиление центробежных тенденций, угрожающих государственной целостности России. Получалось, что региональное самосознание играет только негативную роль, хотя в истории России оно не раз становилось важнейшим ее ресурсом, опорой государственного строительства, служило

источником культуротворчества.

Проблема заключалась в том, что политики и исследователи рассматривали вопрос о региональной идентичности исключительно сквозь призму противопоставления столицы и провинции, видя в ней некую константу, данность, не изменяемую во времени. Не было уделено должного внимания самой анатомии феномена региональной идентичности, тому, что она сама трансформируется во времени под влиянием определенных факторов, механизм которых не становился предметом анализа.

В этом отношении особый интерес представляет Урал как один из российских регионов. Положение Урала внутри российского пространства в XX в. лучше всего выражает формула «Урал – опорный край державы». Это породило особый этатизм сознания уральцев, стало одной из отличительных особенностей идентичности. Здесь региональная идентичность воспитывала и культивировала дух патриотизма, особую вовлеченность в общегосударственные дела (крайним выражением которого можно считать особую политизацию уральского сознания).

Важно отметить, что это положение не сложилось само по себе (достаточно вспомнить, Урал в начале XX в. только начинает осмысляться как часть культурного пространства России). Современный образ края был создан в результате целенаправленных, государственно-организованных усилий в 30-е гг. в период индустриализации, когда Урал был

превращен во «вторую оборонную базу страны» (огромное значение имело не только преобразования экономики региона, но и масштабное культурное строительство, подчиненное в том числе задаче создания образа современного Урала). Ему было определено место внутри единого советского пространства. А для региональной идентичности, которая в широком смысле понимается как связь, ощущаемая жителями определенной территории с местом их жизни, принципиальное значение имеет представление о месте и роли региона внутри страны в целом.

Именно этому не было уделено внимания в строительстве постсоветской России, в региональной политике правительства этого периода. Это же обусловило фрустрированность и уральского сознания, потерявшего прежние ориентиры, ощущение внутренней точки опоры. Для региона в целом это обернулось неопределенностью в перспективах долгосрочного развития, необходимостью поиска себя в условиях современной России, напряженностью в отношениях со столицей и другими субъектами федерации.

В настоящее время региональное самосознание по инерции продолжает рассматриваться как потенциальная угроза единству страны, в то время как она может служить ее надежной опорой. В условиях современной России это диктует необходимость формирования нового отношения к региональной идентичности. Именно на уровне регионального сознания должны сочетаться наиболее естественным образом

региональные и общенациональные интересы. В историческом сознании регионов должны быть акцентированы центростремительные начала, способствовавшие консолидации страны. По существу, это вопрос о необходимости активного влияния на характер региональной идентичности и средствах этого влияния как конкретных форм реализации региональной политики.

Сегодняшняя преувеличенная забота об имидже столицы, ее самопрезентации в культурном сознании в ущерб поддержке образов российских регионов не может служить укреплению государственности в долговременной перспективе. Актуальной представляется задача целенаправленной организации современного российского культурного пространства, создание условий для установления взаимных диспозиций для обновляющихся российских регионов и столиц. Однако эта задача не только не решается, но и остается не осознанной.

В этой связи принципиальное значение для социологии духовной жизни российского общества приобретает всесторонний, системный анализ региональной идентичности, форм ее выражения, механизмов формирования, влияющих на нее факторов, прежде всего культурных. Это будет способствовать тому, что современные социологические исследования проблемы идентичности окажутся поставленными на прочную историческую почву, обретут необходимую контекстуальность, позволит создавать социологические тео-

рии, адекватные современному состоянию российского социума.

Для социологии культуры анализ региональной идентичности уральцев:

- в теоретическом аспекте позволяет содержательно раскрыть понятие региональной идентичности;
- дает необходимый фактический материал для понимания механизмов формирования данного феномена и его конкретно-исторических особенностей;
- позволяет уточнить роль духовной составляющей в бытии региональной культуры;
- создает методологическую основу для конкретно-социологических исследований.

Согласно авторской концепции, заключающейся в том, что региональная культура понимается как вариант национальной культуры и в то же время как специфический способ жизни людей на определенной территории, продуцирующий определенную систему ценностей, создавая условия для самоидентификации людей, исследование региональной идентичности уральцев дает возможность содержательно уточнить одну из важнейших философско-культурологических категорий, раскрыть ее эвристический потенциал, обнаружить связь общего и особенного (идентичность россиянина – региональная идентичность уральца – этническая идентичность), проанализировать состояние идентичности современного россиянина, жителя региона.

ТИП УРАЛЬЦА: РОЖДЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ И СОЗДАННЫЙ СОВЕТСКИМ МИФОМ

В массовом сознании прочно укоренено стереотипное представление о характере уральца. Традиционно ему приписывается набор стандартных черт: суровость, немногословность, несколько грубоватую силу, открытость, прямоту, переходящую в прямолинейность, некоторую наивность, граничащую с простоватостью, убежденный коллективизм и сверхсоциализированность (погруженность в дела державы, ощущение личной сопричастности им).

Несмотря на деидеологизацию и демифологизацию, не подвергалось сомнению, что данный человеческий тип по-прежнему олицетворяет Урал и всю уральскую историю в целом. Игнорируется то, что этот человеческий тип не просто мало связан с известными описаниями уральцев XVIII–XIX и начала XX вв., но и не дает оснований, чтобы по-настоящему считать его генетически восходящим к этим характерам.

С другой стороны, сохраняющееся представление о том, что существованием одного единственного человеческого типа ограничена вся история Урала последних столетий обладает несомненной близостью (чтобы не сказать больше) с воззрениями на уральскую историю, сложившимися в со-

ветский период. В соответствии с принятой идеологией их содержание сводилось к тому, что демидовский Урал как «цитадель крепостничества» с его «каторгой казенных заводов», по существу, долго оставался как будто вне истории и был пробужден к жизни только большевистской революцией 1917 года, закономерно превратившись в надежный «оплот большевизма». «У этого города нету традиций», – писал В. Маяковский в 1928 году о «новорожденном городе Свердлова», – и этими словами начинались в советское время все городские путеводители. При таком подходе разговоры о генезисе уральского характера, конечно, теряли всякий смысл, становились попросту невозможны.

Эта отчетливо просматривающаяся связь между представлениями о типе личности уральца и концептуальным видением уральской истории заставляет сегодня поставить вопрос о том, насколько стереотипный, растиражированный образ уральца, прочно прижившийся в массовом сознании, действительно представляет всю уральскую историю?

Объективная трудность состоит в том, что формирование *уральского самосознания* исторически происходит довольно поздно. Его ростки становятся заметны лишь к концу XIX века, когда завершается массовая колонизация Урала. Но то, что можно назвать *уральским характером*, проявляется раньше. Жизнь при заводах, специфический быт горнозаводского Урала стали как бы общим знаменателем, универсальным объединяющим началом для живущих здесь

людей – потомков переселенцев, имеющих разные исторические корни.

На это обстоятельство обратил внимание Д.Н. Мамин-Сибиряк, характеризуя тип «заводского мастерского», «тагильского мастера»: «...Вот подстриженные в скобку кержацкие головы, с уклончивым взглядом и деланной раскольничьей ласковостью. Вот открытые лица великороссов-туляков, вот ленивая походка, упрямые очи и точно заспанные лица хохлов...

Но все эти особенности исчезают, переплавляясь в один тип прожженного и юркого заводского человека», – писал он.

В другой статье, развивая тему, писатель утверждал: «Тагильского мастера вы узнаете из тысячи – это совершенно особый тип, выработанный на бойком промысловом месте. Одним словом – настоящая рабочая гвардия – народ все рослый, здоровый... – встретите – всегда и невольно залюбуетесь. Других таких молодцов не найти. Лица смышленные, движения уверенные» [1].

Кроме этого, есть еще целый ряд широко известных наблюдений людей, посещавших Урал или живших здесь, характеризующих тип уральца. Чтобы лучше понять, в чем им виделась специфичность этого типа, следует помнить, что сравнивать его они могли лишь с образом, олицетворявшим в то время крестьянскую Россию. Такой взгляд диктовался коренным условием бытия горнозаводского Урала.

Начиная с XVIII века, вследствие так называемой петровской индустриализации, край существовал внутри страны (население которой и к началу XX века до 90 % составляли крестьяне) в качестве некоего промышленного анклава. «Государство в государстве» – так в конкретный исторический период описывал положение горнозаводского Урала внутри крестьянской России Д.Н. Мамин-Сибиряк. Главную «отрасль» экономики здесь составляла горнорудная промышленность, основной тип поселения – города-заводы. Тут сложилась своя горная система управления, оформилось особое сословие мастеровых.

Не менее разительными были отличия и в духовной жизни края. Не случайно, в последнее время аргументировано выдвигает тезис о возникновении на Урале самобытной горнозаводской культуры как особого культурного типа, занимающего промежуточное положение между традиционной народной культурой и культурой индустриального общества. Уральские мастеровые (представлявшие собой к началу XX века скорее сословие, чем класс) по многим признакам отличались как от рабочих-пролетариев, так и от крестьян.

В записке, характеризующей хозяйственное и культурно-бытовое своеобразие Урала, подготовленной в 1918 года Временным областным правительством Урала во главе с П.В. Ивановым говорилось об этом так: «Особые условия жизни огромного большинства уральских рабочих отличают Урал от других фабрично-заводских районов. Уральский

рабочий, обычно – местный уроженец из бывших заводских крепостных и, работая в промышленном предприятии, связан с его территорией собственным домом, огородом, покосам и т. п. Он является одновременно и рабочим и земледельцем, имеет подчас свой лесной участок или арендует землю. На Урале оставление работ на заводе во время покосов или уборки хлебов – совершенно нормальное явление. Углежжение играет для Урала не меньшую роль, чем добыча каменного угля для южнорусских металлургических заводов. На Урале имеется целая армия углежогов, условия быта которых в лесу чрезвычайно своеобразны. <...> Своеобразные условия труда создались также на Урале в области добычи золота и платины» [2].

Еще в начале XX века в ходе широких дискуссий признавалось, что уральский рабочий – «не пролетарий в европейском смысле слова» (Л. Воеводин), что он «со страдой, землей, крестьянскими взглядами» имеет «специфически уральский тип» (А. Митинский). Уральское сознание существенным образом отличалось от традиционного крестьянского, выпестованного общинной жизнью, для которого характерны были ориентация на авторитет, консерватизм форм поведения, почти полное отсутствие проявлений автономности личности. В этом отношении закономерно, что в уральском типе современники в качестве основных черт выделяли такие отличительные черты, как независимость, сметливость, предприимчивость, силу и внутреннюю красо-

ту.

Среди прочих сохранившихся свидетельств о характере уральцев интересно привести еще одно мнение безусловного «знатока» своего дела (правда, знающего действительность со специфической стороны) шефа жандармов, главного начальника III отделения А. Бенкендорфа. В записке 1828 года к министру финансов Е. Канкрину, курировавшему Горную администрацию, шеф жандармов предупреждал, что уральские мастеровые «люди ума хитрого, налитанного духом своеволия и неповиновения начальству» [3].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.